

мина, что несколько «затемняет» его собственную точку зрения.

Не совсем точными представляются некоторые элементы анализа мифопоэтики шварцевской драматургии. Так, требует доказательств рассмотрение Тени как персонажа с хтонической семантикой (с. 15). Употребление термина «культурный герой» по отношению к Ученому и Ланцелоту (с. 15) также нуждается в некоторых оговорках (впрочем, размытие терминологического смысла данного понятия происходит повсеместно в гуманитарных науках, в связи с чем широкая трактовка данного типа мифологического персонажа постепенно «легитимизируется»).

Внимание к законченности мотивной структуры драматургического произведения, жанровой определенности изучаемых художественных форм обуславливает перспективы исследования; изуче-

ние сквозных мотивов в творчестве Е. Шварца могло бы дополнить представление о своеобразии его драматургического таланта.

Высказанные замечания связаны прежде всего с дальнейшими перспективами разработки проблемы, а также сложностью и фундаментальностью самих предметов исследования – литературного мотива и эпической драмы.

Ознакомление с авторефератом диссертации О.Н. Русановой дает основание утверждать, что работа является законченным, самостоятельным и творческим научным исследованием, соответствующим требованиям, предъявляемым к работам такого жанра, а ее автор заслуживает присвоения ей ученой степени *кандидата филологических наук* по специальности 10.01.08 – теория литературы. Текстология.

Е.М. Четина

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Кемеровский государственный университет

Диссертационное сочинение С.В. Татаркиной посвящено исследованию творчества А.Я. Панаевой в контексте литературной эпохи XIX в. Гендерный подход к осмыслению природы женской литературы делает работу *актуальной* и погружает в эпицентр отечественных и зарубежных дискуссий о природе феминизма, женского мировосприятия и мироосмысления, а также о характере женского письма и литературы. *Значимость* работы определяется стремлением диссертантки описать творчество А.Я. Панаевой в его целостности, с учетом наиболее значимых произведений (художественная проза и «Воспоминания»), что позволяет проанализировать текстологическое функционирование гендерных моделей в контексте разных художественных миров. *Научная новизна* диссертационного исследования С.В. Татаркиной определяется не только использованием гендерных методик анализа прозы применительно к конкретному автору, но и описанием художественного мира А.Я. Панаевой как мира уникального и самобытного, выявлением эволюционных тенденций ее творчества. Погружение исследования частного вопроса в значительный литературный контекст рождает дополнительный аспект исследовательской новизны: восстановление законов развития женской прозы XIX в. с выходом на основные эстетические тенденции современной литературы.

Масштабность системного мышления С.В. Татаркиной отражается на всех уровнях диссертаци-

онного сочинения: в описании истории вопроса, связанной с исследованием хронологии и теории гендерных методик, в установлении парадигм феминной и маскулинной литератур, жанрово-тематического принципа составления библиографии.

Основной корпус работы С.В. Татаркиной включает в себя: анализ любовного и семейно-бытового сюжета прозы Панаевой (гл. 1), исследование законов организации художественного пространства и предметного мира прозы писательницы (гл. 2) и анализ «Воспоминаний» Панаевой в контексте женской мемуарной литературы (гл. 3).

Подступом к описанию сюжетообразования прозы Панаевой в первой главе диссертации является исследование философско-идеологического дискурса 1840–1860 гг. и осмысление любовно-семейной проблематики в произведениях русской литературы XIX в. Восстанавливая ключевые концепции любовно-семейной этики, существующие в русской культуре, С.В. Татаркина обращается к христианским представлениям о гармонии супружеских отношений, патриархатной форме брака, «инновационным моделям» супружества, складывающимся под воздействием утопических идей, в частности «теории страстей» Фурье. Особое внимание уделяется личности и эстетике Жорж Санд, оказавшей значительное влияние на жизнь и творчество А.Я. Панаевой. Сомнение в этой части работы вызывает факт включения христианской традиции в эволюционный контекст формирования

культуры брачно-семейных отношений. Думается, что о христианской традиции, составляющей основу ментально-религиозного самоопределения нации, вернее было бы говорить как о постоянной духовной доминанте. Именно в сопоставлении с религиозными первоосновами представляется возможным определить степень маятникового качания этического-эстетических экспериментов с судьбами людей в парадигмах «свободных союзов», «фиктивных браков» и других моделей, восстанавливаемых в диссертации на примере «прогрессивных» взглядов В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, А.В. Никитенко и др.

По мнению С.В. Татаркиной, проза Панаевой вписывается в установленную для женской литературы любовно-семейную проблематику. В проведенном анализе романа «Женская доля» в первой главе работы раскрывается животрепещущая для 1860-х гг. проблема эмансипации, которая определена Панаевой в категории «нравственной ответственности». Инновационные любовные коллизии и ситуации, рассмотренные на примере русской прозы XIX в., определяют место женщины в мире через отсылку к патриархальным нормам. Отсюда правомерно обращение к мотиву Пигмалиона и Галатеи, актуализирующему образ мужчины-творца, создающего женскую душу.

Не вызывает сомнения утверждение о двухчастном характере сюжетостроения анализируемых текстов.

Специфика любовной этики Панаевой определяется в 1-й главе с учетом внутрисемейных коллизий (дети – родители), моделей развития отношений между мужчиной и женщиной, а также типологии женских характеров. В процессе анализа проблемы семейного бытия с особой тщательностью исследуется проявление материнского начала в образах героинь. С одной стороны, диссертантка выделяет в системе персонажей образ идеальной матери, с другой – героиню, у которой атрофировано материнское начало. Исследуется также сюжетная роль благодетельницы и ситуация проекции материнских функций на образ природы. Ключевая проблема, связанная с судьбой молодых героинь прозы Панаевой, определяется как приспособление к патриархальным нормам.

Модели любовной этики в отношениях мужчины и женщины определены в работе в контексте реалистической и идеалистической парадигм. Так, в повести «Пасека» выявляется модель любви-игры. В произведениях «Мелочи жизни» и «Жена часового мужа» акцентируется прагматика любовных отношений. Любовная гармония, восходящая к эстетике Жорж Санд, проявлена в повести «Степная барышня», романах «Мертвое озеро», «Женская доля». Подобная гармония реализуется, по мнению

С.В. Татаркиной, только в пространстве природного бытия.

Наиболее интересным фрагментом работы является вторая глава, в которой представлен самостоятельный анализ семантики хронотопа прозы Панаевой. Пространственная организация мира вписывается в троичную модель: город (Петербург) – деревня – усадьба. В данной триаде проявлены как оппозиционные элементы: провинция и столица, – так и возможность гармонизации психологического восприятия мира в синтезе естественно-природной и урбанистической моделей жизни. Удачно проведено сопоставление Петербурга и Парижа, проанализировано переосмысление семантики вертикали при описании многоэтажного дома. Традиции французской прозы и русской натуральной школы придают весомость частным наблюдениям над прозой Панаевой. Заслуживает внимания включение в литературоведческий контекст новой модели описания маскарада XIX в., когда маскарадное осмеяние превращается в сознательное оскорбление героини (повесть «Воздушные замки»). Финальный параграф главы «Семантика вещного мира» с особой тщательностью прорисовывает «вещное поле» прозы Панаевой, раскрывающее своего рода философию предметного мира, за которой проступает привычка, характер, мироощущение панаевских героинь. Логика анализа неизбежно вышла к проблеме овещствления женщины, включения ее судьбы в ситуацию «купли-продажи».

Заключительная глава диссертации последовательно раскрывает проблемы теоретического плана (связанные с исследованием женской автодокументальной литературы на основе отечественных и зарубежных концепций) и анализ женской мемуаристики XIX в. Отдельный параграф посвящен «Воспоминаниям» А.Я. Панаевой. Диссертантка описывает религиозный дискурс с элементами агиографии в «Записках» Н.Б. Долгоруковой, где проявлен образ «женщины-великомученицы». В исследовании «Воспоминаний» С.В. Капнист-Скалон акцент делается на самореализации повествующего «я» через образ «другого». Интересная переакцентуация произошла при анализе воспоминаний А.О. Смирновой-Россет. Долгое время ее записки служили неотъемлемой составляющей образа пушкинской эпохи. Прочитанные как самостоятельный целостный текст, мемуарные свидетельства в работе С.В. Татаркиной представлены как личностная форма определения «собственной» жизни автора записок, масштабность которой формируется масштабностью дружеских отношений. Диссертантка определяет двойственность положения повествующего «я» Смирновой-Россет, основанную на двух моделях женского характера: православной и эман-

сипированной. Подобный прием проецируется и на «Воспоминания» Панаевой. Диалогичность позиции автогероини (можно отметить точность выбранного термина для характеристики субъекта повествования) связана с совмещением типично женских ролей семейного плана и завоеванием ниши «профессионального литератора». С одной стороны, в анализе мемуарного стиля восстановлен сюжет «женской судьбы», с другой – отмечено включение автогероини в литературную среду эпохи. С.В. Татаркина определяет идентификацию Панаевой в мемуарной прозе себя как значимого публичного человека, что определяется с позиции носителя общекультурных ценностей.

Логика изложения и общая концепция работы заслуживают уважения, диссертантка уверенно ориентируется как в теоретических, так и в историко-литературных аспектах филологического анализа. Между тем, как представляется, у гендерного подхода к исследованию текста есть еще не отработанное слабое место. Пока речь идет о разнице мужского и женского мироотношения и мироотражения, эта методика срабатывает практически безупречно. Проблема возникает тогда, когда в основе эстетического события лежат уни-

версальные общечеловеческие (надчеловеческие) истины. Перекос в сторону защиты «женской литературы» затмевает также общеэстетические принципы литературного процесса. Так, при анализе образа Петербурга в женской прозе одной из характеристик города, по мнению исследовательницы, становится восприятие его как игрового, развлекательной локуса. Подобная интерпретация определена через оппозицию петербургского мифа мужской литературы, актуализирующую процесс самореализации в профессиональной и социальной сфере героев-мужчин. Между тем в диссертации не учитывается мир светских развлечений Петербурга, например, в романе Пушкина «Евгений Онегин».

В целом работа представляет собой серьезное научное исследование. Выводы, к которым приходит автор в заключении, отвечают логике анализа. Заслуживает внимания серьезная апробация научной концепции, которая нашла отражение в 13 публикациях. Результаты работы могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по русской литературе XIX в., а также в дальнейшем изучении творчества А.Я. Панаевой.

Э.М. Афанасьева

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: ТВОРЧЕСТВО А.Я. ПАНАЕВОЙ (ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ)

Московский государственный университет

Рассматриваемая диссертационная работа позволяет утверждать, что постепенно происходит заполнение лакун по изучению творчества писательниц XIX в. Уже существуют работы, посвященные наследию М. Жуковой, Е. Летковой, Н. Хвоцинской. Наконец настал черед, по-видимому, самой значительной и оригинальной писательницы XIX столетия – А. Панаевой. Можно смело назвать ее «самой значительной» потому, что оставленные ею «Воспоминания» вошли в золотой фонд мемуаристики, без них невозможно составить полную картину взаимоотношений литераторов 40–60-х гг. Однако творчество А. Панаевой было довольно разнообразно, и даже на фоне Н.А. Некрасова, который был во многом ее литературным наставником, оно выделялось своеобразием и неповторимостью. Оно было замечено современной ей критикой и литературоведом, во многом способствующим тому, что имя Панаевой никогда не было забыто, – К.И. Чуковским. И тем не менее, основательного изучения ее наследия дождалось, как видим, довольно долго.

К работе С.В. Татаркиной можно с полным основанием отнести слова «монументальное», «основательное», «всеобъемлющее» исследование, потому что только список опубликованных работ достиг 13 наименований, причем в них отражены главные аспекты работы. Это и «образ матери», занимающий столь важное место в системе образов повестей А. Панаевой, и «типология характеров», столь разнообразных в произведениях писательницы, и рассмотрение этического компонента ее прозы – от воплощения «христианской традиции брака» до «мотива свободы выбора и воздаяния», и конструирование художественного пространства, включая воплощение «природного мира» и мира Петербурга, и выявление модели самоописания в ее мемуарах, и построение диалога в написанных совместно с Некрасовым романах. Уже опубликованные статьи позволяют судить, сколь широк был предпринятый охват материала.

К этому следует прибавить крепчайшую теоретическую основу диссертации. С.В. Татаркина очень хорошо знает гендерноориентированное ли-